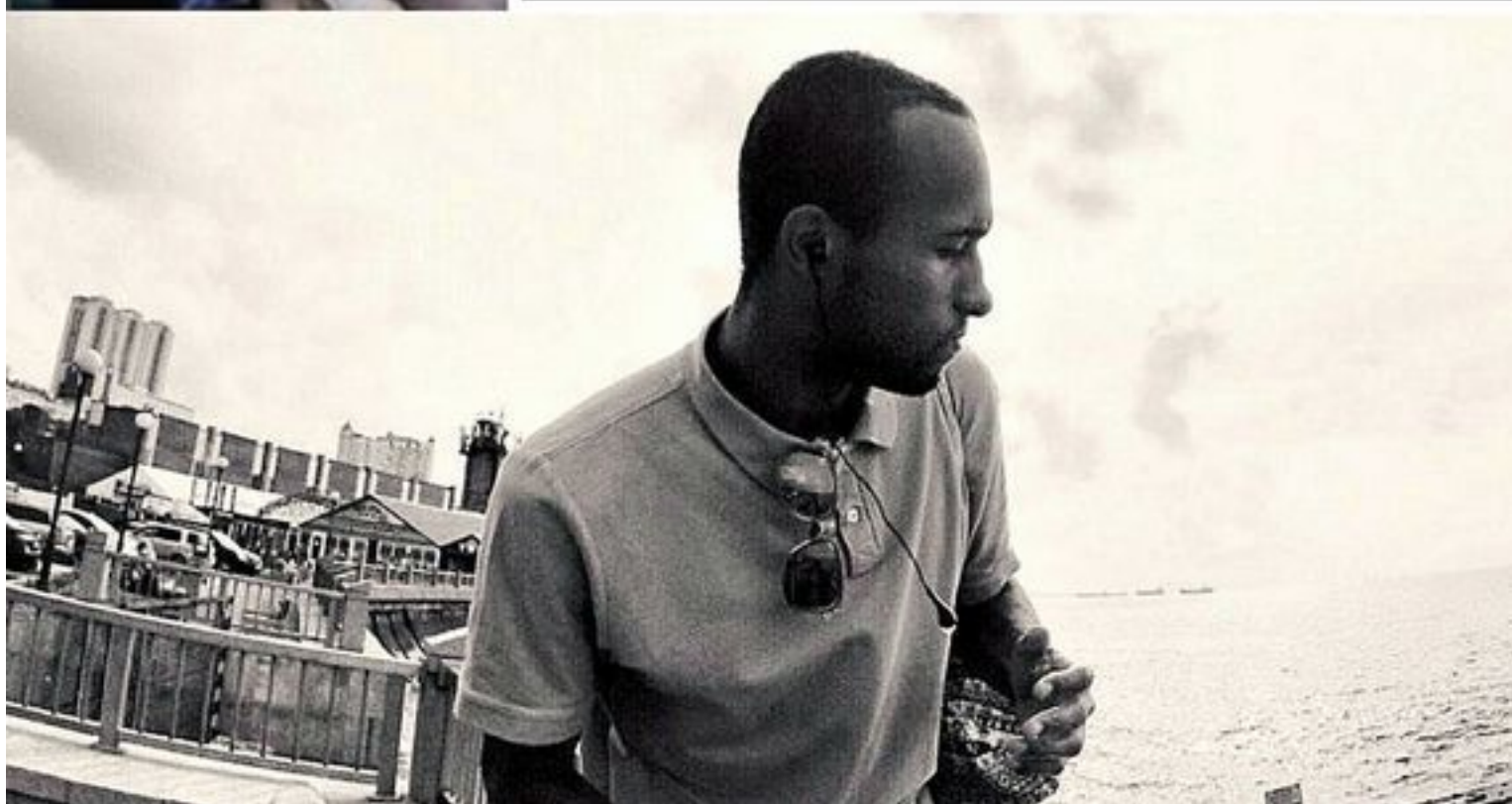

ДОН-ЖЕНИ ЭКОЕБВЕ

С ЗАПАДА НА ВОСТОК

ИЛИ ДНЕВНИК ТЕРПЕВШЕГО
ТУРИСТА

Дон-Жени Экоебве

**С Запада на Восток. Или
дневник терпевшего туриста**

«Издательские решения»

Экоебве Д.

С Запада на Восток. Или дневник терпевшего туриста /
Д. Экоебве — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850610-9

«С Запада на Восток, или дневник терпевшего туриста» — это не что иное, как большой «капитанский журнал» писателя в период путешествия по родине — от северо-западных границ России вплоть до Тихого Океана — в самый конец транссибирской магистрали. Автор считает книгу психологическим автопортретом. Произведение содержит множество курьёзов из бытовых будней героев книги. После прочтения путешественник определённо будет готов к пути через всю Россию, ведь читатель словно пройдёт по следам автора».

ISBN 978-5-44-850610-9

© Экоебве Д.
© Издательские решения

Содержание

9 сентября	6
10 сентября	7
11 сентября	10
13 сентября	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

С Запада на Восток Или дневник терпевшего туриста

Дон-Жени Экоебве

© Дон-Жени Экоебве, 2017

ISBN 978-5-4485-0610-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Передаю спасибо тебе, когда ты возьмёшься прочитать вот это вот всё.

Спасибо моей голове за трудное решение выйти «ненадолго прогуляться».

Благодарю Владу, Викторию и Инессу Петровских за то, что надоумили меня всё это грамотно расписать.

И отдельное спасибо Свете за то, что в одиночку превратила никчемный текстовый файл в целую книгу.

9 сентября

Стоял очередной похмельный вечер сентября. Хотелось улечься в кровать и не выходить из своей комнатухи в коммуналке на окраине города как минимум ещё неделю. Через каждую вторую мысль меня донимали тяжёлые думы о непостоянных девушках и постоянной нехватке денег. Мне до сих пор приходили сообщения с поздравлениями с днём рождения. После вчерашнего пить не хотелось. В голове был какой-то сплин.

Преподавательнице французского я сказал, что уезжаю на две недели по делам в сторону Сочи. Мне казалось, что она здесь единственная, кому было не наплевать, куда я исчезну на ближайшие недели. Хотя такая постановка предложения звучит трагично даже для такого, как я.

Мне нужно было зайти к одному из своих близких друзей домой, чтобы попрощаться. Чашка чая, которую подали нам к столу, была превосходной. Мы долго беседовали о моём будущем маршруте и реальной возможности невозвращения. Попутно мы сели за компьютер. Я бронировал билеты один за другим. Из поезда в поезд. Ощущения были настолько переменчивые, что одновременно хотелось и смеяться, и плакать. Хотелось найти внутреннюю гармонию, хотя бы на пару минут. И этот постоянный вопрос: «зачем?» – Я не знаю. Когда с заказом билетов было покончено, я поблагодарил своего товарища за чай и поехал, уже тёмной ночью, домой.

Я оказался дома в первом часу ночи. После позднего ужина я собирал вещи в дорогу. «Для такой поездки определённо хватит рюкзака и маленькой сумочки», – подумал я. Больше не стану увлекать вас подробностями того, как так вышло. Сумки были собраны. Назовём это путешествие одной большой случайностью. Одной. Большой. Случайностью.

10 сентября

Утро. Я почти был готов проспать. Нужно было быстро побриться и помыть посуду. Я опаздывал. Побрившись наскоро и даже ни разу не порезавшись, я побежал в метро.

Мы встретились с Женей в центре. Женя – один из немногих моих товарищей здесь. Он пожелал мне удачи и попросил вернуться назад с его камерой, которую он отдавал в эту Россию. Я погрузился в маршрутку. Мы отправились в путь. Прощай, Запад.

Через полдня я доехал до Петербурга. Это были первые триста семьдесят километров моего пути. По стечению обстоятельств, два дня назад у меня был очередной день рождения. Мои товарищи с родных берегов Невы, коих было в этих местах не мало, заранее приняли решение встретиться на Площади Восстания, чтобы осуществить проводы. Моё положение обязывало меня отвечать положительно на такую дружескую ноту. Да и я особо долго не мялся с ответом.

Встретились мы около половины десятого вечера на Площади Восстания. У нас было около четырёх часов, чтобы отдать богам виноделия свои души. Мы дошли до одного люмпенского бара. Осознание того, что это слишком простой вариант перед таким путешествием, натолкнуло нас всех на трезвую мысль, что это просто не нужно. Собственно говоря, можно посидеть и во дворе. С тёмных ступеней бара на цокольном этаже мы свернули назад, на свет городских улиц. Полтора литра виски, пара литров импортного пива, бутылка кока-колы на всякий случай... Торговый центр был щедр на акции, за что получил от нас исключительно позитивные отзывы.

Мы посоветовались и пошли к Саше. Саша работает в ресторане французской кухни – «Garson». «Garson» долгое время терпел убытки, и его ожидала мучительная смена гастрономического меню в сторону грузинской кухни и всяких вытекающих из неё сулугуни и хинкали. Бессмыслица метаморфоз. Грамотнее было теперь называть его «Cheburson». Кто же виноват, что французская кухня не приживается в наших краях?

Мы уведомили Сашу о приходе. К моменту нашего появления они закрывались. Мы попали в некую французскую утонченность, которая была халатно завернута в мегрельские хачапури. Ресторан был полностью наш – разделяй и властвуй. Мы пили крепкий алкоголь и гордо шлифовали всё это пивом. Гости любознательно ели орехи из банок, которые были интерьером сего места. Несмотря на то, что время поджимало, все было просто замечательно..

Градус веселья рос. При выходе даже удалось взять с собой Леночку – коллегу Саши. Мы пошли дальше восхвалять богов виноделия, ибо к моменту нашего выхода из заведения было уже около одиннадцати вечера. У нас появился откуда-то косяк марихуаны. Уточню: косяк марихуаны в центре города. Группа несерьёзных молодых людей раскурила всю эту квинт-эссенцию табака и запрещённых веществ быстрее чем за полминуты. Нормально. Затем мы таки вспомнили, где на Невском проспекте находится Московский вокзал. Когда мы зашли в магазин за очередной дозой выпивки, я сделал много неудачных «selfie». Мы купили огромную бутылку шампанского и вискаря. «Шампунь» был очень неплохой. Да и вообще, отдаю приз зрительских симпатий сухому сладкому, пусть от него и становится хуёво уже спозаранку. И не важно, пил ли ты с ним что-то или не пил – эффект всегда одинаков.

К вокзалу. Компания из десяти человек широко растянулась вдоль всей улицы. Мы зачем-то начали пинать трубы и тем самым портить урбанистическую фауну центра города. Пьяный дебош. В какой-то момент нас кто-то окликнул. В этот момент Лёша отчаянно пнул мусорный бак. Содержимое всего бака оказалось на асфальте. Нас окликнули каких-то два былинных витязя, к которым мы шли навстречу. Ребята были крепкие. Тут я понял, что не всё пройдет гладко. Собралась вся команда. Многие даже понятия не имели, в чем их обвиняют, так как всё происходило в арьергарде нашей растянутой, пьяной команды. Начавшийся стро-

гий дискурс на тему культуры обещал быть жарким. Никто даже не думал отходить от проезжей части. А зачем?

Откуда ни возьмись, появились какие-то сомнительные чурки. Что им здесь было нужно? Какого чёрта? Блядь, да сначала один только прибежал. Самый смелый взял меня за ворот моей любимой чёрной кожанки, за что позднее получил строгий холодный взгляд и небольшую рецензию ненормативной лексикой. Это называлось любезно попросить так больше не делать. Храбрец был на голову ниже меня, и всё явно шло не в его пользу. Подбежало ещё трое таких же «случайных» прохожих. Внезапно. Нас, как в те самые добрые времена моих юношеских мордобоев – численное меньшинство, и мы все, мягко говоря, подвыпившие. Хотя, тот же самый Гриша уже трое суток сидел на веществе, и непонятно как он до сих пор вообще двигался и разговаривал. Не говоря уже об остальных моих приятелях, кто заливал в себя эти полтора литра виски в форме аперитива перед обеденными побоями.

В ходе всей перепалки мы пытались что-то друг другу доказать, но безуспешно. Я понял, что никто не любит перевернутые помойки и, сделав угрюмое лицо, поставил бак вертикально, как он и стоял. Какой-то хуй, стоящий сбоку от меня, прошептал мне: «Засунь всё её содержимое назад». Я как-то не понял этого предложения и попросил удалиться от меня к хуям собачьим подальше, пока его переносица не перенеслась в район коробки с серым веществом. И вот тут-то я подумал про свои вещи. Через какие-то мгновения я замечаю одну из своих котомок с вещами в двух метрах от себя на асфальте. Видимо, кто-то из моих друзей освободил руки на всякий случай к моменту разборов. Я подумал её забрать. Пытаюсь сделать движение вперёд, но мне преграждает путь этот «дружелюбный» паренёк со своими предложениями и изъявляет желание постоять на месте. «Сударь, не могли бы вы не отходить от поребрика в ближайшее время?» – это звучало бы именно так, будь мы на очередном балу эпохи царя Александра Первого, ведь я такой любитель этой аристократичности, светской жизни и всех этих фавориток у себя в ложе. Увы, но фраза: «Стой, сука, на месте!» – в повелительном наклонении была куда более реальной и своевременной. Я снова не понял его заявлений и сказал, что просто хочу взять свою сумку и вернуться в тоже самое положение без какого-либо базара по понятиям. Вы понимаете? Забыв обо всём, я делаю два шага вперёд. Раскрыв рот, я потянулся за сумкой. В эти секунды неловкости мне прилетает что-то в челюсть. Затяжной блок рекламной паузы. Дальше меня ожидала боль. Я выпал из ситуации где-то на минуту, может, даже на две. Это был абсолютный нокаут. Я не понимал ни что происходит, ни где я, ни как мне на это ответить. У меня в глазах мерцали искры, а уши были переполнены звуком отключившегося кабельного телевидения той самой глубокой ночью после суток просмотра очередного дурацкого сериала. Очевидно, что удар прилетел от моего нового друга. Не уверен, что это всё было пьяным совпадением.

Придя в себя, я понял, что мы всё там же, где и были, а именно на проезжей части у этого ебучего вокзала. Злоумышленника не было. Предположу, что он влепил мне в лицо левым крюком и просто убежал. Отряд не заметил потери бойца, так как был не особо трезв. Никто не успел предпринять ничего. Ни-че-го. Нормально. Держась за правую половину лица, я вопросительно спрашиваю у второго таджика, какого чёрта его друг влепил мне так неожиданно в челюсть и исчез. Всё, что я услышал в ответ, было весьма предсказуемо: «Я не его друг, у меня нет друзей.» – говорил он. Хм, и это всё за пятнадцать минут до поезда. Блядь. Все ребята, вроде как, очнулись, и предложили мне пойти дальше. Конечно же, можно пойти искать и отпиздить этих свиней за такую подлость, но в голове была совсем другая программа действий. Крупные ребята, которые начали весь сыр-бор, тоже поняли, что ничего гуманного тут нет (и не было), и предложили разойтись. Рыжий сказал, мол, не надо связываться с чурками, и наше счастье, что никто не достал ножей. Забавно, но, по словам очевидцев, ножи были. Перед тем, как рыжий начал спрашивать, в чем, вообще, дело, ему сразу же показали здоровенный нож на поясе. А вот Гриша всё шутил, мы с Серёжей обильно плевались кровью...

Пока мы искали поезд, я заметил, что Серёже тоже влетело по лицу. Серёжа получил, как рядом стоящий зритель. Он вообще часто оказывался крайним в наших историях. Как-то раз Серёжа вышел со вписки на Адмиралтейской в магазин за «Дошираком» в три часа ночи по московскому времени. Серёжа зачем-то решил прокричать: «Россия без Путина!» Далее Серёже перешиб в челюсть какой-то чечен. Или вот ещё было. Сидят они с ребятами на даче. К ним подбегает пять здоровых мужиков и начинает без разговоров пиздить. Просто пиздить. Благо пострадавшие были в алкогольном опьянении и не стали даже думать о контексте данного казуса. Всё кончилось тем, что недружелюбной компашке кто-то крикнул из темноты: «Это не они!» После этого злыдни побежали дальше, а Сережа с друзьями так и остался на земле думать о своём поведении летней ночью на хуторе близ бандитского Петербурга. В этот раз он тоже не понял, когда ему успели отколоть часть зуба, да и, собственно, по какой причине. Ебанные чурки. Я продолжал плевать кровью, а вокзальные часы продолжали ритмично тикать.

Мы нашли поезд. Я показал проводнику электронный «screenshot» билета. Он хмуро посмотрел на меня и сказал, что я купил билет на одиннадцатое августа вместо ночи одиннадцатого сентября. ОДИННАДЦАТОЕ, БЛЯДЬ, АВГУСТА! Времени до отправления оставалось ровно пять минут. Я прошу товарищей в срочном порядке найти выход в интернет. Всё прошло успешно. Я проверил снова все данные. Мы понимаем, что просто вышел плохой «screenshot», а мы перепутали вагон. Ну и мудака же ты, блядь, проводник! А я уже думал, что нужно будет срочно искать вариант бегства из этого Питера. Челюсть болела. Я пытался ещё что-то кричать и был весел. Мы нашли вагон за минуту до отправления. Серёжа, держа в одной руке кровавую салфетку, передал мне замок от велосипеда, которым я планировал пристёгивать свои вещи во время путешествия. Тем временем буйный Лёша загремел в обезьянник на вокзале за неправильное общение со слугами правопорядка. Так ему, сука, и надо!

Мы просто доконали проводника в нужном нам вагоне за эту оставшуюся минуту. Он сказал, что высадит меня, если я буду также вести себя и продолжать горланить. Я сел в поезд. Поезд медленно тронулся, под пьяные крики моих друзей. Что может быть лучше формальных поминок?

Начались попытки успокоиться. Спустя тридцать минут мне стало больно говорить. Челюсть начала опухать, и вот это было уже интересно. После исчезновения городского пейзажа я всё ещё стоял в тамбуре в попытках уменьшить боль в лице. Со мной случайно познакомился какой-то студент медицинского университета. Он сказал, что лицо у тебя, друг, завтра опухнет, возможно, надо будет вправить челюсть. Ох, отлично! Я был пьян. Лёшу продержали час или два в привокзальном обезьяннике дорожной полиции, но в итоге выпустили. «Отделался, мудака», – подумал я. Я лёг на свою боковушку в начале вагона и попытался заснуть. Боль не кончалась. С мыслью об оставшихся на перроне товарищах, я взял холодное полотенце, приложил его к больному месту и даже на некоторое время уснул. Завтра меня ждала злая и жадная до людских душ Москва. В Москве будет поезд в сторону неизвестных до этого мне уральских гор. Ранен, но почему-то до сих пор не убит. Я еду во Владивосток.

11 сентября

Неимоверная боль. В вагоне было светло, хотя постоянная питерская пасмурность, похоже, плавно переехала со мной уже в Москву. Я проснулся контуженным. Если вообще можно проснуться, когда ты не спал, то посчитаем, что это произошло на верхней боковушке под номером пятьдесят два. Челюсть опухла. Лимфоузлы решили добродушно подыграть больным лицевым костям. Я не мог говорить. Даже малейший поворот лица вызывал непередаваемые ощущения физических мучений. Я молился богу, чтобы не было никакой трещины. Нас подняли где-то минут за пятьдесят до прибытия. Вокруг меня были весьма адекватные люди, которые, конечно же, суетились. Кроме меня. Мне было страшно больно. Моё одиннадцатое сентября было не хуже падения башен-близнецов с десятилетия назад. Я хотел домой. Я увидел своих соседей по купе и спросил у этих достопочтенных путешественников, что у меня с лицом и насколько оно распухло. Мне высказали мнение, что совсем немного. Лучше бы к зеркалу я не подходил. Опухоль на моей правой половине лица была впечатляющей. Будь же, сука, проклят этот ублюдок! Поезд опаздывал. Лучше не становилось, а глотать было невозможно даже собственные слюни. Я обратился ко вчерашнему медику. Медик повторил вчерашнюю мантру: «Если бы сломалась челюсть, то говорить бы ты не мог.» Надежда. Ёбанный чурка!

Поезд приехал. Мы все из далёкого пятнадцатого вагона от головы поезда покатались на выход. Я шел в тумане и совсем без ежей. Мне действительно было плохо. Плевки кровью, теперь уже и болезненные, надоели мне ещё вчера. Я решил, что оставляю свои туристические фотографии в своей лыжной маске на Красной площади на дорогу назад, если она, конечно же, будет.

Вывалившись из вокзала, я поехал прочь за кольцевую ветку Московского метрополитена. Я решил выйти на станции Сокольники. Давай поедem в Сокольники! Почему? Да, я и не знаю, просто по-студенчески подумал, что за кольцевой веткой всё становится дешевле. Нужно купить еды в поезд. Поезд будет уже через три часа. Я не могу открыть рот. Ёбанный чурка!

По совету молодого медика из поезда, я хотел приобрести обезболивающее. Это был ад на земле, да ещё и за тысячу километров от моей комнатухи на загнивающем западе. Я зашёл в аптеку с понятным для всех названием «36.6.». Я написал продавщице на своём кнопочном телефоне, что мне нужно. Говорить не выходило. Совсем. Фармацевт меня поняла и равнодушно подбросила таблеток. Я остался благодарен.

Далее мне был нужен интернет. Я пошёл в местный «Макдональдс». Выпив таблетку, я обдуплялся за столом где-то около часа. Надежда, что всё будет хорошо, не покидала меня и сейчас. После пары сообщений в Петербург оказалось, что все ребята были живы после вчерашнего. Это хорошо. Я был рад. Моя челюсть – нет. Ёбанный чурка!

Спустя сорок минут я понял, что обезболивающее действует. Я осмелел. Я решил взять себе жареной картошки, клубничный коктейль и королевский чизбургер. С чувством удовлетворения, я освободил бургер из его бумажной темницы. Хотелось привычно открыть рот. Рот механически не открывался. Рот не мог открыться, а каждый удар еды о зубы сопровождался сильнейшими болевыми ощущениями, даже с обезболивающим. Неимоверная боль! Я с трудом засунул в себя этот чизбургер, что заняло у меня, в общей сложности, где-то пятнадцать минут. Картошку забрал какой-то дедуля, сказав, что бог меня сохранит. Возможно. Бог – это очень возможно.

Закончив свою трапезу, я списался с одной из своих давних подруг – Леной. С Леной мы познакомились года четыре назад на Западе. Лена жила в Москве. Она предложила сгонять до Парка Культуры, то есть до её работы. Почему бы нет? Мне не оставалось ничего, кроме как согласиться, ведь я её давно не видел, а это приятно – общаться со старыми приятельни-

цами. Разве нет? Выйдя из Макдональдса, я зашёл в супермаркет. Я понял, что на ближайшие двое суток моя еда – это картофельное пюре. На твёрдые предметы лучше вообще не смотреть. Ёбанный чурка! Я элегантно плюнул в сторону кровью. Московские бордюры казались мне настолько грязными, что я не чувствовал за собой вины по причине порчи местной чистоты.

Используя подсказки Лены, я проехал половину красной ветки метрополитена. Я таки добрался до её места работы. У Лены как раз был небольшой перерывчик, и мы в спешке начали делиться моментами из этой бесноватой городской жизни. Я начал рассказывать ей всю душевную историю. Лена задала мне один простейший вопрос. «Выёбывался?!» – спросила она. Нет, ну, я даже не знал, что сказать. Мне вспомнилось детство. Как-то раз мы купались в каком-то городском озере в глубинке Белоруссии. У меня жила бабушка под Витебском. В этом городе находилась пара тюрем, да и милицееское училище было прямо под носом. Тем не менее, от местной шпаны мне прилетало в лицо каждый летний приезд. На этом озере я с кем-то повздорил из-за того, кто будет прыгать первым с дерева в воду. Началась драка. Меня и в этот раз отпиздили. Я вернулся домой заплаканным в какой-то, блядь, саже. Я попросил бабушку решить вопрос. Всё что она сказала было: «Да ты сам ещё тот гусь!» Наверное, это было справедливо, да и поучительно.

Наша беседа с Леной длилась около получаса. Сама Лена родилась во Владивостоке, и очень просила привезти на обратном пути сувенир. Ленин отец был военным. Они часто переезжали с места на место в её детстве. Тем не менее, она тосковала по родным краям и любила рассказывать мне всякие приключения Приморья. Часть жизни Лена прожила в Сочи и, мягко говоря, ебала этот Сочи в рот. А вот Владик ей нравился, видите ли.

Позже Лена проводила меня до метро. Мы сделали пару сентиментальных фотографий у чебуречной. Нет, мы же в Москве! Мне пожелали удачи. Мы попрощались.

Я поехал на Казанский вокзал. Несмотря на лёгкий туман в голове, я всё очень быстро нашёл. Удивительно. Я сел в поезд Москва – Новокузнецк. Он был старым, он был пиздецки старым. Мне казалось, что наши проводницы были моложе, чем этот поезд. Никакой роскоши, спёртый воздух, зато красивые проводницы. Иррациональность. В соседи мне попался парень, который был приблизительно моих годов плюс две пожилые женщины. Пути назад нет. Я отправился в Екатеринбург. Первые две тысячи километров под стук колёс. Путешествие по транссибирской магистрали и неизвестному до этого мне миру начнётся сейчас.

Поезд тронулся. Я разобрал шмотки и застелил свою верхнюю койку под номером двадцать два в вагоне номер восемь. Боль и усталость прошлой ночи поджидали меня и были тут как тут. Оказавшись на постели, я отключился. Я расстегнул штаны и просто потерял сознание. Сил на какие-то, даже малейшие, перемены в жизни попросту не осталось. О боже!

Очнулся я где-то в Казани. Я проспал часов шесть или семь. Штаны так и были расстегнуты. Пока мы проезжали все эти татарские мечети, я что-то уже начал соображать. Два часа ночи. Хотелось есть. Нужно было взять в начале вагона кипятка и что-нибудь опрокинуть внутрь. Хотя зачем? Закинувшись очередной дозой обезболивающего, я снова отключился до самого утра.

13 сентября

Успев ещё вчера заселиться в один из местных хостелов, я понял, что всё было не так уж и плохо. Проспав где-то пять или шесть часов, я проснулся около десяти утра по московскому времени. С каждым днём мой недосып только и делал, что крепчал, не хуже старческого маразма после крепкого инсульта. Хозяин хостела, в котором я имел честь поселиться в Екатеринбурге, отметил, что когда в квартиру заселяется много людей, то он готовит оладьи на завтрак. Мне повезло – это был именно тот самый день для завтраков. С учетом того, что вокруг была уборка, моё пробуждение получилось весьма своеобразным. Администратор хостела был родом с Чукотки, поэтому всю ночь в помещении стоял лютый дубак и были открыты настежь все форточки. При заселении он мне сказал, что если какой-нибудь тип в черте города начнёт «качать права» передо мной, то надо сразу же бить прямым ударом в область переносицы. «Кругом одно быдло и наркоманы, – сказал он, – Ты вот съезди по Золотому кольцу, кругом сплошная нищета и алкаши.» – добавил мой лаконичный и опытный собеседник. Его мнение казалось мне четким и ясным. Это был мужчина на вид лет сорока. В своё время он много колесил по свету, и никогда не понимал, почему никто не может открыть нормальный хостел. В итоге он открыл свой. Так началось его предпринимательство. Такие дела.

В дом приехали родители хозяина. Собственно говоря, они уборкой и занимались, пока я приходил в себя и глотал обезболивающее. Мне в очередной раз удалось успокоить свою челюсть медикаментозно. «Пройдёт; ещё пара таблеток и всё пройдёт», – надеялся я. Семья хозяина была тоже непростой. Бабушка, с которой я разговорился во время завтрака, рассказала мне, что прожила всю свою жизнь на Чукотке. Так и не посмотрела бабушка на Москву. Я так и не понял, хотела она мир повидать или нет, но говорила она про это весьма с досадой. «Муж не любил куда-то ездить, а куда я без него, да и за детьми смотреть, куда тут поедешь?» – говорила она. Теперь была старость. «Видимо, в другой раз», – злорадно и немного, наверное, цинично ответил я. Семья перебралась лет пятнадцать назад в пригород Екатеринбурга, где их предки жили до переселения. Вот так и живём.

Как я понял, в квартире ещё тусовался брат хозяина. Имени его я не помню. В силу своего крупного телосложения, хозяин выглядел чуть старше. Брату было около тридцати пяти. Так вот, у брата была жена. У жены был приличный фонарь под глазом. Блядь. Сколько же я выдумывал сценариев получения этого фонаря. Эта женщина была одета в платье провинциального стиля и с покорным, немножко пустым взглядом ходила по квартире, изображая какую-то деятельность. Брат хозяина периодически обнимал её и улыбался. Улыбались все. Наверное, жена просто упала. Все падают лицами на лестницах, никто никогда не грубит пьяным мужьям...

Семья уходила прогуляться по центру города, пока погода располагала. Я с трудом жевал оладьи со сгущенкой, вспоминая приятные моменты, когда аппетитные блины с беконом и картофелем не были чем-то недостижимым. Я вспомнил тот момент, когда отлучился из ресторана на десять минут и купил себе сочный блин за два часа до моего отправления в Москву. Ох уж эта твёрдая пища.

Я принял ещё обезболивающее. Трижды я выходил из дома и возвращался назад, так как что-то всегда забывал. В последний раз мне удалось взять всё необходимое, и к обеду выход из уютных апартаментов увенчался успехом.

Потом был автовокзал. На автовокзале был рынок, где торговали муторным, деревенским шмотьём. Всё как надо – это провинция. Такое ощущение, что режиссер Балабанов, Царство ему небесное, мог снять сцену из первого «Брата» на этом рынке прямо сейчас. Я старался не привлекать к себе ничего внимания. Это будет моей привычкой на ближайшие недели. По совету хозяина, я нашёл себе нужный автобус и поехал за город, к пограничному столбу между номинальным концом Европы и началом Азии. Это интересно. Какие-то жители сред-

ней Азии забили под завязку автобус какой-то бытовой хуйнёй. Кондуктор потребовал дополнительную плату за этот багаж. Все попытки «нормально договориться» были тщетны. Эта ситуация длилась какое-то время. Мы выехали с опозданием в десять минут. Это было много. Кондуктор была не в настроении. Парочка из этой компании целовалась сзади меня с многозначительным причмокиванием. Ёбанные хачи, блядь! Боже, храни нашу многонациональную родину. Вспоминая обидчика, я был готов убивать. Челюсть болела.

День стоял солнечный. Спустя час мы подъехали к моей остановке. Около этого монумента не было никаких станций, и меня высадили прямо на оживлённой трассе. Я не спеша прошёл километр по пыльной дороге. Огромный высоты столб разделял материк на две части. Всё было запечатлено на камеру. Оказывается, Екатеринбург находился уже в Азии. Первоуральск – вот он! Самый первый город Европы! Нет, ну, я бы посоветовал властям инвестировать в новый проект российского «гетто» – туризма. Иностранцам было бы интересно остаться без денег где-нибудь в Первоуральске с пробитой головой, например, во время матчей Чемпионата мира 2018? Европа у своих истоков.

Судя по указателю на местности, мне оставалось порядка семи тысяч километров дороги до финальной точки. Славно. Не очень-то и долго, да и не очень-то и хочется...

Я осмотрел всё, что было нужно. Спустя час после высадки я вернулся на трассу. Я пропустил один автобус, который равнодушно не остановился без остановочного пункта. Пришлось ловить попутку. Передо мной и двумя тётками среднего возраста остановилась женщина, которая любезно предложила довезти нас до города за определённую сумму. В беседах «за жизнь» мы выяснили, что самое важное в жизни – это семья, а не путешествия, гульба с разбоем и прочие прелести бытия. Оказалось, что я дурак, и совсем ничего не понимаю в свои щенячьи года. Спорить не стал. Со временем это надоедает даже таким максималистам, как я. Да и о чем здесь может идти речь, когда ты разговариваешь с сорокалетней женщиной на «Ладе»?

С началом окраин Екатеринбурга мне, с явной долей презрения, показали местное «Рублевское шоссе», и позднее, целый цыганский квартал при въезде в город. Затем нас высадили. Женщина получила с пассажиров деньги и умчалась в туман.

Дело плавно шло к вечеру. Я собрался забраться в хваленую высотку Екатеринбурга – бизнес-центр «Высоцкий». Миня говорил мне, что ума не приложит, почему выбрали такое название.

С Дмитрием Минкиным, или же просто Миней, мы знакомы с первого класса. Сколько было выпито и прожито за это время! Пятнадцать зим? Как-то пару лет назад Миня влюбился. Ну, вы же все знаете, как это бывает в первый раз? Даже я знаю – грубовато. Лично я очно узнал об этом ещё в начале десятых:

«Я не был доволен собой. Утром я собирался отправиться в Петербург, ведь у моей Оленьки был день рождения и нужно было поздравлять её. Мы так редко виделись с ней из-за этой любви на расстоянии. Я очень хотел поздравить её. Мы же образцовая пара – иррациональный трудяга и весьма рациональный бездельник, где я был последним. Последнее время мы много и по пустякам ругались. У людей это называется бытовухой, если я правильно понял.

Я ехал домой после тренировки, параллельно разговаривая по телефону. Автобус ответственно освещал августовскую темноту. Я спокойно сидел на заднем ряду. В моих чёрных штанах лежал толстый чёрный кошелек, наполненный всякими билетами, видами на жительство и различным старым антиквариатом из прошлого. В нём даже лежала памятка по сборке винтовки «МР-512.» Откуда такая привязанность к вещам? Не знаю. Давно нужно было привыкаться и половину содержимого. Может быть, стоит ходить и вовсе без кошелька? Деньги всё равно в нём никогда не задерживались, да и откуда им было взяться?

Автобус остановился около пятиметровой гориллы, сделанной из покрышек. Финны любят такое искусство. Собственно говоря, где бы ей ещё находиться, если не около здания биологического университета? Горилла весьма гармонично дополняла местный пустырь. Она будто бы охраняла это постоянное интровертное безразличие на лицах людей.

Это была моя остановка. Мне не оставалось ничего, кроме как выйти. Уставшей походкой я не спеша прошёл мимо этой гордой инсталляции. Укорачивая путь по протоптанной тропинке, о которой могли знать исключительно местные, я почти уже был дома. Я раздумывал о завтрашней дороге и Оле. Ведь мы образцовая пара. Она ещё любила нести какую-то хуйню про какую-то свадьбу:

– Милый мой, – начинала она, – если не собираешься на мне жениться через три года, то просто уходи, ты понял?

И всё это перед моим вторым юбилеем. Всё это выглядит лёгкой формой межполового психологического насилия, когда жертва в принципе не хочет осознавать, что она жертва. Я ей ничего не отвечал.

После ужина и бодрящего душа я принялся искать телефонные номера маршрутных такси из Хельсинки до Петербурга. Так уж вышло, что я задержался в Финляндии на десять лет, что тут поделаешь? Нужно заказать место на завтра. Вечером я буду уже там, где меня ждут. Международные поезда по определению не могут быть по карману неработающему школьнику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.